

© 1997 г.

Ю.Л. КАЧАНОВ

ПРОИЗВОДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

КАЧАНОВ Юрий Львович - доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

Проблемы и принципы исследования

Общий недостаток российской социологии, находящейся под несомненным влиянием англо-американского либерализма, состоит в том, что политика для нее не существует как *causa sui*, ибо лишена своей живой основы. Именно этот ход мысли (представленный Т. Спенсом, Т. Ходжскином, Э.Ж. Сэйесом и особенно "Декларацией прав человека и гражданина" и памфлетом Т. Пейна "Права человека", а также, в более умеренной форме, А. де Токвилем и Дж.Ст. Миллем) до сих пор препятствует конструированию собственного предмета социологии политики *sui generis*. Говоря словами Вольтера, "есть бесы, которые не поддаются никакому заклятию, например, бес политики", и как бы ни хотелось отдельным радикально настроенным интеллектуалам, демон политики не был изгнан с крушением "тоталитарной империи зла". Чем же обосновывается автономный (самодостаточный, субстанциальный), а не гетерономный (ищущий детерминации извне) взгляд на политику? Попробую предложить ответ...

В современном обществе не существует анклавов "естественных состояний" или каких-либо "природных сущностей", непосредственных производственными отношениями: производится все - от предметов потребления до стилей жизни, от социальных представлений до политических событий. Все виды общественного производства существуют ради самого производства. Подобно тому, как целью экономического производителя является производство прибыли, а не удовлетворение потребностей людей, мотивацией агентов политического производства является не представительство и защита интересов тех или иных социальных групп, а производство политического капитала. Отсюда современные системы производства или поля - от экономического до политического, существуют не в режиме "обслуживания интересов общества", а в режиме самовоспроизводства. Именно поэтому социология политики, опирающаяся на классическую представительскую модель (политика как отражение групповых интересов "гражданского общества"), не имеет предмета, так как с позиций методологического либерализма автономный и самодостаточный мир политики существовать не может. Потому и классический концептуальный инструментарий, организованный вокруг категорий "базис" и "надстройка", "государство" и "общество" и т.п., не работает.

Итак, мы констатируем, что в сильно дифференцированном обществе социальный

космос состоит из относительно автономных социальных микрокосмов, по традиции (восходящей к П. Бурдьё) называемых **полями**, т.е. из пространств, в которых господствуют объективные связи и которые обнаруживают *собственную* логику.

Главное препятствие при трансляции в культуре результатов социологического исследования состоит в том, что усилия по разработке новой теории подвержены опасности быть сорванными из-за приложения к ней категорий спонтанного (в терминологии Э. Дюркгейма) мышления, против которых данная теория и разрабатывалась. Это в полной мере относится к понятию "поле политики". Дело в том, что социология может порвать с привязанными к видимости политических явлений понятиями здравого смысла только в том случае, если она мыслит *соотносительно*. Хотя реляционный способ мышления сформулирован еще К. Марксом и Э. Кассирером, научное сообщество до сих пор не освободилось от "субстанциалистского мышления", редуцирующего поле политики к конкретным политическим агентам и институтам [1]. В силу этого актуально восстановить соответствующую концепцию социальной действительности, артикулирующую, что все существующее в социальном мире - это субъект-объектные отношения: не интеракции между акторами или, как их еще иногда называют, интересубъективные отношения, но "независящие от воли и сознания индивида" социальные отношения. Политическая действительность, с этой точки зрения, представляет собой пространство объективированных различий, связанных с распределением между агентами различных видов политического капитала, который есть не что иное как опредмеченные политические отношения.

Принципиальный порок классических подходов - приверженность натуралистическо-созерцательному видению реальности. Существенный шаг вперед, сделанный современной теорией, заключается в подчеркивании субъектности, активистского начала в социальных взаимодействиях. Поэтому и политическая действительность изучается как манифестация, модус, "форма существования", выражаясь марксистским языком, деятельностного универсума. (Онтология возможна сегодня по крайней мере как феноменология, т.е. как специфическое конструирование видения процессов, форм, структур сознания, переходящего в практическую активность субъектов, индивидов.) В гносеологическом плане это означает, что на смену "рассмотрению действительности в форме объекта" (характеристика К. Марксом *differentia specifica* научного метода) приходит установка на усвоение деятельной природы субъект-объектных отношений.

Поэтому разрабатывая проблематику социологии политики, мы предлагаем - эксплицитно, принципиально: во-первых, в границах исследования изучить его субъекта, т.е. *объективировать объективирующего субъекта* — ученого, его социальные качества, научную и политическую позицию, методы исследования через его отношения как с другими учеными, так и не-учеными; объективировать так, чтобы эта объективация стала неотъемлемой частью исследования. Во-вторых, объективировать предмет исследования, раскрыв как совокупность его внутри- и междисциплинарных связей, так и прямые и опосредованные связи с политической борьбой, интересами социальных групп... В-третьих, социологический текст должен включать в себя не только рефлексии исследователя над "социологической реальностью", но и рефлексии второго порядка - над формой и содержанием самого текста.

Мы предлагаем дискурс, который синтезирует рефлексии первого (непосредственно над предметом социологии политики) и второго (над рефлексией по поводу предмета) порядка. Первая отражает не сами политические явления, а систему различий между ними ("поле политики"). Рефлексия второго порядка воспроизводит различия между различиями, концептуализируемые как "политическая топология". Таким образом формируется специфический предметный универсум социологии политики как объективное пространство различий между политическими явлениями, с тем чтобы далее спроецировать его в пространство различий между различиями.

Это оказывается возможным благодаря тому, что в одно и то же время осуществляется исследование политической реальности и исследование самого этого исследования, его метода, автора и т.д. То есть представлено не бинарное отношение референции "политическая действительность-социологические понятия", но более сложное прагматическое отношение, включающее научное сообщество, культурное производство в целом, государство, правящие элиты и т.д. [2].

Поле политики: первые определения

Поле политики - не совокупность *агентов* (действующих индивидов), занимающихся политикой, и даже не система непосредственных (или формальных - лишь "соотносящих") взаимодействий, но *модус* социальной действительности. Реальность поля политики проявляется в его причиняющем воздействии на практики агентов. Поле политики существует субстанциально как автономный ансамбль политических отношений, управляемый собственными законами. Поэтому ансамбль отношений для своего объяснения не нуждается в привлечении какой-либо информации извне - он содержит свою сущность в себе и потому может быть объяснен только из себя. Естественно, его нельзя свести к комплексу *социальных фактов* и/или *социологических наблюдений* - следует проделать работу рефлексии, чтобы выяснить, сложилась ли внутри изучаемого объекта автономная, относительно свободная от внешних влияний, а потому допускающая объяснение, исходящее из нее самой, система политических отношений - *поле*. Оно есть не разнородное множество фрагментов политической действительности, а такой ее элемент, который организует ансамбль отношений, упорядочивающий связанную с ним совокупность *социальных фактов* и *социологических наблюдений*. Поле политики является исторически сложившимся пространством политической игры с ее специфическими целями и интересами, собственными законами функционирования.

Поле политики - ансамбль отношений между индивидуальными и коллективными агентами и институтами, ансамбль, которому имманентны внутреннее движение, непрерывные установления и разрывы отношений (официальных и неофициальных): зависимости и автономии, сотрудничества и борьбы, протеста и поддержки, силового конфликта и переговоров, агитации и политической рекламы, политических коммуникаций. В соответствии с закономерностями и сложившимися правилами политической игры, агенты борются в поле за специфические выгоды, являющиеся ее целями; при этом агенты, занимающие доминирующие позиции, обладают возможностями принудить поле политики функционировать в свою пользу. Но это поле можно характеризовать также и как пространство власти, пространство политических позиций и практик, политическое производство и т.п.

Понятие поля позволяет определить детерминации производства/воспроизводства политических отношений. Оно задается совокупностью активных характеристик, придающих политическим агентам силу, власть и влияние, т.е. в самом общем виде способность добиваться результатов, - характеристик, отличающих его от других полей социального пространства. Следовательно, чтобы обоснованно проанализировать политические практики агентов, необходимо реконструировать специфическое пространство отношений и позиций, внутренняя логика которого (как данная структура производится/воспроизводится и обуславливает агентов) содержит код или, если угодно, ключ политических взаимодействий, происходящих в данном пространстве.

Поле политики представляет собой подвижную систему различий политических позиций, а потому все в нем - позиции, агенты, институты, программные заявления, комментарии, манифестации - может быть понято исключительно в соотношениях, через сравнения и противопоставления. Обычно поле политики организуется вокруг двух-трех полюсов: например, оппозиция "левый-правый" может сохраняться и при реструктурировании поля за счет частичного обмена ролями. Иными словами, ни

один объект политической реальности *не абсолютен*, не наделен такой "природой", которая обеспечивала бы ему безотносительную и безусловную действенность - *все существует в отношениях и через отношения*.

Реляционное определение поля политики позволяет предложить специфическое представление о реальном бытии политических практик. Из него следует, в частности, что агенты в каждый момент находятся под влиянием системы актуализированных политических отношений, которая множеством способов детерминирует их политические практики: направленность и содержание действий, политические представления и диспозиции, мотивы, информационные схемы и т.п. Так как поле политики предшествует агентам, политические практики суть экстерииоризации ранее интерииоризированных отношений, реализуемые исключительно в обусловленных полем формах и на предположенных им объектах. Согласно нашей концепции, политические практики обусловлены целостным политическим пространством, охватывающим как каждого агента, так и предпосылки и условия его действий, представлений, мотивации и т.д. Если мы "онтологизируем" это пространство, то получим именно ансамбль политических отношений, данных во всех формах их бытия - от объективированных до инкорпорированных (таких, например, как габитус - система схем восприятия, оценивания, мышления, действия, приобретенная агентом посредством отношений поля, система, которая выступает как порождающая основа практик, непосредственно адаптированных к полю).

Социальные отношения не могут быть редуцированы к субъект-субъектным. В-первых, агенты - в отличие от трансцендентального Субъекта - суть телесные существа, подвластные законам физического универсума; во-вторых, для производства своих практик они нуждаются в (материальных и/или идеальных) предметах; в-третьих, эти предметы обуславливают и направленные на них практики, и их социальную форму. В действительности существуют "социальные структуры", не зависящие (в конечном итоге) от сознания и роли людей и определяющим образом воздействующие (направляющие и оформляющие, подавляющие или стимулирующие) на их практики или представления. Вместе с тем, неотъемлемой и необходимой частью этих структур служат схемы восприятия, оценивания, мышления и действия, которыми наделены агенты; поэтому история общества не есть лишь саморазвитие структур. Последние являются лишь необходимыми условиями и предпосылками осуществления субъективных практик (включающих восприятия, представления, мышление, коммуникации, действия).

Социальное отношение содержит два неразрывно связанных момента - онтологический и социологический, и в качестве социальной (социокультурной) формы опосредует взаимосвязь агентов, являющихся как субъектами "праксиса" и/или "коммуникации", так и объектами физического мира. Поскольку агенты предстают и как "бытие", и как "субъекты", постольку они- "субъективированное бытие", подчиняющееся закономерностям объективного универсума. Отсюда следует, что социальное отношение в первую очередь обладает такими свойствами как материальность, причинность, повторяемость и т.д.: отношение между агентами не просто опосредуется объектами, но является именно субъект-объектным; с другой стороны, социальное отношение есть интересубъективная связь, придающая смысл и значение "бытию", индивидуализируя его.

Агенты (как индивидуальные, так и коллективные) конструируют свои практики, но данный процесс обусловлен предшествующей в историческом времени социального пространства системой объективных отношений, т.е. сами эти практики имеют социальное происхождение и взаимосвязаны, складываются в определенный социальный порядок, поэтому правильнее здесь говорить о реконструкции. Другими словами, социальные отношения каузально принуждают практики агентов, однако их причиняющая сила всегда опосредуется самими практиками.

Итак, практики как структурированы объективно - социальными отношениями, не зависящими от воли и сознания агентов, так и реструктурированы субъективно.

Принимая за исходный пункт исследования политических отношений то, что они выступают как силовые и как смысловые, мы можем "отодвинуть" на задний план ортодоксальную марксистскую дихотомию "экономическое-идеологическое". Из этой посылки с необходимостью следует, что анализ символических отношений раскрывает связи, определяющие воспроизводство политических позиций: навязывание практических (информационных) схем и практик различения участвует в поддержании доминирования.

Государство и поле политики

Государство существует, во-первых, как "реальность первого порядка", явленная через распределение материальных ресурсов, а также средств и механизмов их присвоения, и, во-вторых, как "реальность второго порядка", данная посредством механизмов структур восприятия, оценивания, классификации. В первом качестве государство не зависит от сознания социальных агентов, а в качестве "реальности второго порядка" оно наличествует в виде ансамбля социальных представлений — и как совокупность образов памяти и воображения, идей и т.п., и как делегирование, как группы уполномоченных лиц кого-либо [3], как коллективные практики воплощения государства в символических действиях (социальные ритуалы, церемонии, манифестации, заявления, обращения, приемы, речи и др.), как "политический театр". Государство располагает монополией не только легитимного физического насилия, как полагал М. Вебер (см.: [4]), но и легитимного символического насилия, поскольку способно формировать и культивировать в обществе матрицу социального поведения (устойчивые принципы или схемы восприятия, оценивания, мышления), подобную собственной структуре.

Современное государство возникло в результате "...концентрации различных видов капитала: капитала физической силы, т.е. средств принуждения (армия, полиция), капитала экономического, капитала культурного..., капитала символического; концентрации, превращающей государство в обладателя своеобразного метакapиTaлa" [5, с. 108-109]. Сосредоточивая в своих руках капитал физического насилия, государство вынуждено увеличить собственный экономический капитал (активно вмешиваться в управление экономической жизнью, создавать всеохватывающую налоговую систему, для чего, в свою очередь, необходимо формирование единого экономического пространства и др., а это требует наращивания информационного, культурного капиталов и т.д. [5, с. 114]. Оно является поэтому крупнейшим держателем разного рода ресурсов, представляющих собой структуры господства. Поэтому универсальный метакapиTaл государства может быть свободно реконверсирован в любой из капиталов: экономический, культурный, социальный или символический.

Существование метакapиTaлa государства, придающего влияние и власть "государственным мужам", влечет за собой формирование специфического пространства борьбы — борьбы владельцев различных капиталов за владение, распоряжение и пользование этим метакapиTaлoм.

Становление государственной монополии на физическое и символическое насилие приводит в то же время к образованию поля политики - пространства борьбы за монопольное обладание выгодами, связанными с этой монополией. Поле политики, в отличие от государства, не имеет однозначных, легко узнаваемых, юридически установленных границ: четкое различие, артикулируемое социологами, в политическом бытовании до известной степени стирается, выступает опосредованным и осложненным многообразием факторов. Конечно, на практике мы можем в каждом отдельном случае отличить государство от поля политики, более того, мы знаем, что государство во многом детерминирует поле политики (по мере конституирования государственной монополии на легитимное символическое насилие государство пытается все активнее воздействовать на поле политики, подчинить его себе), но грань, разделяющая их, представляет собой не жестко фиксированную демаркационную линию, а контингентный предел процесса перехода одного в другое.

Чтобы дать социологическое объяснение какому-либо политическому явлению, надо анализировать его не в отрыве от совокупности других, а определить позицию, которую оно занимает в пространстве всех политических явлений. Так, позиция парламентского большинства предполагает позицию парламентского меньшинства, позиции федерального центра противостоят позиции регионов и т. д. Значимость какой-либо позиции поля политики задается дистанцией, которая ее отделяет от других, и не существует позиции, которая определялась бы только сама собой. Поле политики есть система политических различий, причем каждая позиция определяется лишь оппозицией ("левые" определяются через противопоставление "правым", радикалы - консерваторам).

Итак, поле политики - совокупность политических позиций, вовлеченных в борьбу за монопольное распоряжение "метакапиталом" государства. Оно объединяет и различает "политически активных" и "политически пассивных" агентов. Такой "политический театр" выступает как сублимированное "представление" социальной действительности и классовой борьбы, и в этом смысле политическая идеология в целом представляет социальную борьбу в политически преобразенной форме. В такой системе каждый агент должен непрерывно определять себя. На политическом языке определить значит "занять позицию", и такое занятие позиции является в то же время определением своего места в системе поля политики. Это позволяет раскрыть истинный смысл расхожего утверждения, что для политиков "говорить означает делать": слова являются действиями потому, что они вовлечены в сложное переплетение социальных отношений, объективируемых позиций поля политики. Поле политики выступает в одно и то же время как система отношений и как система смыслов, система конкурентных позиций как носителей значений. Оно является сферой символического выражения и деформированного внешнего проявления социальных отношений, и в то же время, сферой непрерывного символического производства, необходимого для легитимации.

Автономизация поля политики в посткоммунистической России

Эволюция ансамбля политических практик в современной России может быть, в частности, интерпретирована как изменение функций институтов по производству политической продукции и самой структуры этой продукции. Это изменение тесно связано со становлением поля политики в качестве самостоятельной и обособленной сферы общественной жизни - отношений, которые складываются между агентами и системы политического производства, конкурирующими за политическую легитимность. Действительно, вся посттоталитарная история политической деятельности в России - это история эмансипации политических отношений, их освобождения от "идеологических" и экономических отношений.

Процесс автономизации российского поля политики соотносится с появлением социально дифференцированной категории профессиональных производителей средств восприятия и выражения социального мира, все более и более склонных не признавать иных правил, кроме той специфической политической традиции, которую они сами создали или позаимствовали у западных коллег, и получающих все больше и больше возможностей освободить свою деятельность от всякого принуждения извне - цензуры (и самоцензуры), порождаемой прямой конфронтацией с невовлеченной в "реальную политику" публикой (отличающейся от политиков-профессионалов интересами, позициями и диспозициями). Основными потребителями политической продукции автономного поля политики становятся будущие/потенциальные политики, активисты, журналисты, лоббисты и т.п. - маргинальные агенты, способные разделить политический интерес профессионалов и выработать релевантные точки зрения.

"Демократизация", "возрождение", "радикальные реформы" и т.п. привели к становлению корпуса политиков, отличного от так называемой номенклатуры, что, в

свою очередь, соответствовало радикальной перестройке отношений, устанавливаемых политиками с неполитиками и, следовательно, с другими политиками. Эта перестройка, конституировавшая частичную суверенность поля политики и новое, по сравнению с временами безграничной монополии КПСС, определение (политического) агента и его практик, начиналась с формирования собственно политической легитимности, в том числе права агентов определять ставки и правила игры на поле, права на нормы, и эталоны политических практик и т.д., которые игнорируют внешние полю политики требования социального заказа, подчиненного экономическим, интеллектуальным или иным интересам.

Мера автономности поля политики характеризуется его возможностями присваивать внешние детерминации в соответствии с собственными законами - вне прямой зависимости от других полей социального пространства устанавливать эталоны и нормы производства и навязывать потребителям критерии оценки своей продукции, разделять позиции исключительно по политическим основаниям, не обусловленным ни социальными, ни культурными, ни экономическими факторами. Это означает, что уровень самостоятельности поля политики определяется мерой его замкнутости в качестве пространства борьбы за чисто политическое признание и за чисто политические пути его достижения.

Распространение в России политических технологий (партийного строительства, пропаганды, выборов, политического маркетинга и рекламы) и - шире - бурное развитие политического производства, инициирующее массовое создание средств восприятия и выражения социального мира ("символических форм" или "информационных схем", "социальных представлений" или "когнитивных систем", категорий, концепций, прогнозов и т.п.) и непрерывное (серийное) изготовление политических событий (в интервале от "программных заявлений" и пресс-конференций до скандалов и провокаций), совпали по времени с ростом "платежеспособного спроса" на подобного рода продукцию в условиях социально-политической дифференциации и системного кризиса. Упразднение личной зависимости политика от узкого круга персон из ЦК КПСС, т.е. непосредственного социального заказа, означает переход к всеобщей опосредованной форме подчинения производителей политической продукции.

Агенты поля политики отныне подчиняются спросу анонимной публики на политическую продукцию, спросу, который, согласно законам динамики рыночных механизмов, перманентно отстаёт от предложений и возвращается к ним в виде необходимости борьбы за признание, влияние, оклады и привилегии, бюджетные ассигнования, а также в виде давления (явного и скрытого) со стороны бюрократии, политически ангажированной части предпринимателей, активистов партий и движений, интеллектуалов и т.п. В этом плане теории, трактующие политику как действительность высшего порядка, невыводимую из приземленных потребностей экономики, равно как и представления о свободном и возвышенном "служении", основанном на исключительности "харизмы", могут быть интерпретированы как реакция на угрозу политическому производству, которую несут в себе механизмы рынка, следующие на собственной динамике и подменяющие запросы элиты "денежных мешков" или "удельных князей" государственной бюрократии непредсказуемыми оценками анонимной "демократической общественности".

Вместе с тем именно становление в России относительно емкого рынка политической продукции создает условия для того, чтобы агенты поля политики могли на практике утвердить уникальность своей деятельности, нередуцируемость политической продукции к статусу простого экономического товара.

Политическое производство в целом складывается из двух подсистем: во-первых, из производства средств потребления ("реальная политика") - субполя массового производства моделей политических практик для непроизводителей ("активисты" и "лоббисты", "журналисты" и "интеллектуалы", "широкая общественность" и "гражданин"); во-вторых, из производства средств производства ("идеальная" или "истинная"

политика) - субполя, в котором производятся модели политических практик (и средства присвоения этих моделей), объективно адресованные (по крайней мере, на определенный период) профессиональным политическим производителям. Первая - одновременно внешняя и внутренняя по отношению к полю - в соответствии с результатами (властью, влиянием, престижем), полученными за пределами поля политики, распределяет власть и престиж между позициями внутри него, определяет доминирующих и доминируемых, принимающих решения и исполняющих их. Вторая - внутренняя по отношению и к полю и к первой подсистеме - не наделяет властью позиции, но разделяет их по "ролям" или "партиям" политической игры, поскольку распределяет среди позиций идеальные средства политических практик. Обе эти системы взаимопроникают друг в друга, пересекаются, но вместе с тем достаточно отчетливо различаются: агент может занимать высокую позицию в иерархии реальной политики и совершенно не обладать влиянием среди профессиональных производителей средств политического производства.

Связи между производством средств политического производства и производством средств политического потребления вырастают из разделения труда по политическому доминированию и сами являются отношениями символического господства/подчинения. Полностью закрытый (и искусственно поддерживаемый) рынок средств политического производства разительно отличается от рынка средств политического потребления (целиком поглощенного борьбой за рентабельность вложений путем расширения социального состава потребителей), отличается в первую очередь типом отношений с инстанциями легитимации. В качестве доминируемого производство средств политического потребления объективно обусловлено местом в политической иерархии инстанций признания, занимающихся распространением продукции среди неполитиков. Напротив, агенты, занятые в производстве средств политического производства, обычно являются мелкими независимыми производителями символической продукции.

"Узкое" политическое производство характеризуется сравнительно большой автономией: исключение непроизводителей, диалектика внутренних отличий, создание особой легитимности. Здесь разворачивается непрерывная борьба за признание в качестве одного из легитимных производителей, которые противостоят друг другу в стремлении завоевать престиж в глазах равных себе. В то же время массовое производство и потребление политической продукции предполагает ставку на широкие круги граждан и, следовательно, на "среднего" потребителя. Социальные условия такого производства подталкивают к выбору "технических" приемов и политических эффектов, доступных широкой публике; они заставляют оставлять в стороне все темы, дающие повод для неоднозначных толкований или способных шокировать ту или иную часть граждан. Логика массового производства ведет к раздуванию общих мест, к выделению стереотипных тем политической коммуникации.

В погоне за максимально широким признанием "реальные политики" вынуждены эксплицитно подчиняться требованиям социально-экономической ситуации, "общественным потребностям", понимаемым как возможное политическое потребление "широких масс" граждан. В этом плане продукт производства средств политического потребления всегда есть результат цензуры (а также самоцензуры) производителей, стремящихся за счет разного рода компромиссов и отказа от использования социально дифференцирующих моделей политических практик (таких моделей, при которых средства, необходимые для их потребления, крайне неравномерно распределены между социальными позициями в зависимости от объема экономического и культурного капиталов) в пользу обобщенных моделей найти "общий знаменатель" экономических и политических интересов множества социальных групп. Агенты производства средств политического потребления придерживаются *экстенсивной* стратегии (расширение рынка за счет увеличения числа потребителей) и поэтому ориентируются на размытые статистические категории населения ("группы на

бумаге" - "служащие", "специалисты", "пенсионеры", "молодежь", "женщины" и, наконец, "население России в целом"), которые могут проецировать на себя обобщенные модели политических практик.

Напротив, агенты производства средств политического производства следуют *интенсивной* стратегии, стимулирующей рост политического потребления сравнительно малочисленных и четко социально очерченных групп - профессиональных производителей политической продукции. Поэтому производство средств политического производства в меньшей степени, нежели производство средств политического потребления, зависит от инстанций легитимации: его потребители сами сообщают ему политическую легитимность при минимальном участии в процессе признания (и потребления) инстанций легитимации. Исключая из числа своих потребителей неполитиков (в первую очередь политически ангажированные слои предпринимателей и ту социальную группу, которую еще недавно называли "интеллигенцией" и которая ныне все более приобретает черты фантомного существования), производство средств политического производства утверждается в качестве специализированного производства, объективно ориентированного лишь на (действительных или потенциальных) производителей. В отличие от производства средств потребления, в котором действуют законы конкуренции за возможно более емкий рынок сбыта, агенты производства средств политического производства, стремящиеся сами устанавливать свои эталоны и нормы производства, а также критерии оценки своей продукции, борются за чисто политическое признание со стороны профессиональных политиков, выступающих как в роли потребителей, так и в роли конкурентов.

Стремление поля политики к замкнутости провоцирует эскалацию самоизоляции и исключение из него всех неполитиков: "*Odi profanum vulgus et arceo*". Освободившись от пут непосредственного социального заказа и заручившись поддержкой "демократической общественности", которая ныне складывается из действительных и/или потенциальных агентов поля политики ("интеллектуалов", "публицистов", "политологов", "активистов" и т.п.), политическое производство стремится воплотить имманентный ему закон постоянного опережающего предложения, который следует из диалектики дистанцирования от других полей социального пространства. Автономия поля политики как структурный феномен общественной жизни своим существованием обязана прежде всего развитию производства средств политического производства.

Производитель создает модели политических практик не только для "рядовых граждан", но и для профессиональных политиков - потребителей и конкурентов в одном лице. После октября 1993 г. в России агент может получить социальный статус "политик" только в форме кооптации через круговую поруку взаимного признания между профессиональными политиками. Поэтому представления производителей моделей политических практик о том, что и как они производят (равно как и их представления о себе), существенно зависят от представлений других агентов поля политики об их деятельности.

Каждый акт политического производства и/или потребления, поскольку он совершается в поле политики, регулирующем политические практики, объективно представляет собой попытку добиться политического признания. Отсюда следует, что чем в большей степени поле политики может существовать как герметичное пространство борьбы за чисто политическую легитимность, тем в большей степени производство моделей политических практик может и должно быть ориентировано на поиски тех из них, которые бы представляли ценность в самой структуре поля в силу того, что они помогают группам, их производящим, добиваться монополии легитимного символического насилия, т.е. легитимной символической власти.

Поэтому политики признают (или, по крайней мере, стараются признавать) только те принципы структурирования поля политики, которые исчерпывающим образом выражают специфику политических практик и помогают бороться с любыми внешними по отношению к полю определениями политики. Такими принципами обычно

становятся символические приемы политической деятельности: легко видеть, что поле политики обычно структурируется вокруг полюсов "консерваторы"- "радикалы", различие между которыми сводится к символическому разрыву с исторической ситуацией *sine anno*.

Конечно, поле политики современной России несвободно от существенного влияния как государства, так и поля экономики, проявляющегося, в частности, в том, что доминирующие в поле политики агенты в своих политических отношениях существенно зависят от тех, кто наделен государственной экономической властью. Подобное влияние осуществляется, во-первых, через безличностные механизмы рынка политической продукции и, во-вторых, через личные отношения по типу "политический деятель-покровитель/спонсор". Однако в основном российское поле политического производства освободилось от внешних (экономических, социальных или культурных) обусловленностей и теперь приводится в движение как бы "символическими революциями" (которые могут, в зависимости от политической позиции и "ангажемента" аналитика, трактоваться либо как "дворцовые перевороты", либо как "переходные периоды", либо как "смелый курс самых важных в истории России реформ") - изменениями способа выражения социально-политической дифференциации общества.

Эти перманентные революции разрушают условия и предпосылки принятия политической продукции внешним по отношению к полю политики социальным миром. Поскольку потребление (и принятие) моделей политических практик невозможно без определенных механизмов потребления и усвоения, которых периодически лишаются - пусть на короткое время - даже наиболее владеющие ими потребители (что находит свое отражение во время от времени захлестывающих "демократическую интеллигенцию" волнах растерянности перед лицом происходящих политических сдвигов), постольку политическое производство вынуждено опережать спрос и (в силу этой структурной необходимости) объективно способствовать политической дифференциации социальных групп, влекущей за собой диверсификацию рынка.

Профессиональные производители средств политического производства выступают как продавцы политических потребностей, как *horrible dictu* торговцы иллюзиями, эксплуатирующие разделение труда в области политико-управленческих отношений: сначала они, опираясь на институциональные возможности разного рода посредников, включая средства массовой информации, пытаются навязать профессиональным производителям средств политического потребления невыносимые (и зачастую нереализуемые) модели практик, а затем - для сокращения разрыва между "идеалом и жизнью", для достижения образа желаемого результата - предлагают средства конструирования этих моделей. Цепь причинно-следственных связей замыкается: структурно-обусловленный разрыв между политическим предложением и спросом укрепляет российских политиков в их склонности к "радикальнейшим реформам" (с идеологией "общенационального лидера" или с комплементарной ей идеологией "путчистов"), обеспечивая на деле несоизмеримость собственно политической ценности и экономической цены "реформ".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кочанов Ю.Л., Шматко Н.А. Как возможна социальная группа? (к проблеме реальности в социологии) // Социологические исследования. 1996. № 12.
2. Качанов Ю.Л. Политическая топология: структурирование политической действительности. М.: Ad Marginem. 1995.
3. Бурдьё П. Начала / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. С. 86.
4. Collit-TheLINE C. Le Desenchantement de L'Etat. De Hegel a Max Weber. P.: Minuit, 1992. P. 220-239.
5. Bourdieu P. Raisons pratiques. Sue la theorie de l'action. Paris: Seuil, 1994.